

КАРОЛИНА ЛИРИЙСКАЯ

ДАВИ ГОРДЫНЮ
НЕПОКОРНЫХ
-I-

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)
Л62

Лирийская К.

Л62 Дави гордыню непокорных. Том 1 / К. Лирийская. — М. : Импринт VOLKODAV / RUGRAM, 2025. — 526 с. — (Дави гордыню непокорных).

Апокалипсис, случившийся в этом мире, перевернул все с ног на голову, и теперь люди соседствуют с демонами и нечистью, встречаются с ними каждый день на улице и сами вникают в плетения магии. Но не все готовы мириться с новым порядком: есть те, кто объявит крестовый поход.

Янош Кирай — сотрудник Инквизиции, полиции по делам нечисти. Отправляясь в Санкт-Петербург, чтобы помочь новому отделению по обмену опытом, он и не догадывался, что ему придется столкнуться с сектантами, убивающими нечисть. Обстановка напряжена, в городе скоро начнется война. Неожиданная помощь приходит в лице Влада Войцека — мертвого инквизитора, который явился призраком на помощь живому коллеге. Он работает на Ад, который определенно как-то замешан в нынешних убийствах, и Яну придется выведать все тайны Небес и Преисподней, чтобы добиться истины.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

© Лирийская Каролина, 2025
© Дивия, художница, 2025
© Дарья Иванова Walted, дизайн, 2025
© Т8 Издательские технологии,
оформление, 2025

ISBN 978-5-517-13177-5

Бромке — моему другу и брату.

*Римлянин! Ты научись народами править державно —
В этом искусство твое! — налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!*

Вергилий, «Энеида»

I. DESINE SPERARE QUI HIC INTRAS

*Desine sperare qui hic intras —
«Оставь надежду, всяк сюда входящий»*

Едва ночной поезд прекратил движение, резко дернувшись и отчаянно заскрипев, я подхватил все немногочисленные пожитки и начал понемногу проталкиваться к выходу, где уже выстроилась длинная очередь из пассажиров. Миновав компанию с детьми, кричавшими похуже дикой нечисти, и группу галдящих азиатских туристов, я продрался сквозь скопление мужиков слегка бандитской наружности и тяжело привалился к стене. В вагонах еще гремели и собирались, заспанные люди носились с чемоданами. Топоча, по коридору бегала ребятня, мешаясь под ногами. Слышались визгливые окрики проводниц.

Сумка неприятно оттягивала плечо, пока я проверял громоздкий чемодан, и уследить за всеми вещами сразу было невозможно. Профессиональная подозрительность заставляла меня беспрестанно вертеться и оглядываться. Однако никто из толпы не приближался, посчитав, вероятно, что со мной себе дороже связываться. Скорее всего, изможденное лицо не выпавшегося инквизитора — не то, что хочется видеть с утра в тесном, забитом людьми и нелюдьми пространстве. Это привычка чутко просыпаться от каждого шороха сыграла со мной злую шутку: я провалялся всю ночь, пялясь в темноту и дергаясь от стука колес, тогда как мои соседи по купе — флегматичная престарелая пара и студент — спокойно спали всю поездку. Намучившись вдоволь, ближе к пяти утра я просто ненадолго потерял сознание от усталости, и от этого теперь было только хуже.

Не глядя, я попытался пригладить отросшие до плеч волосы, наверняка выглядевшие весьма живописно со стороны. Запутавшись пальцами в собственных космах, тихо зашипел, но вовремя прикусил язык: собирался выплюнуть пару проклятий на kloкочущем архидемонском, но не хоте-

лось распугивать женщин с детьми. Моего взгляда, присущего скорее убийце, чем стражу порядка, было достаточно, чтобы толпа рядом рассосалась. Нет, это наконец открыли двери, дохнуло свежестью петербургского утра...

Конечно же, я выскочил из поезда одним из первых, чуть не столкнувшись с кем-то. Торопился, чтобы не попасть в толпу. На перроне слетались, встречались и вопили. Я видел обнимающихся родственников, влюбленные парочки... Меня некому было встречать в незнакомом городе, и одиночество по-кошачьи поскреблось в груди.

Тут пришлось плотней запахивать кожаную куртку: налетел сильный порыв ветра. Пробрало, и я сцепил зубы, хотел бы обнять, обхватить себя руками, но боялся отпустить ручку чемодана. Показалось, кровь заледенела, и я в замешательстве оглядывался, не видя на лицах других ни малейшего признака этого ужасающего мороза, объявшего меня. Коченея, я сжал кулаки.

Застегнул куртку до самого ворота, поспешил к зданию вокзала, отчаянно надеясь, что человек от местного отделения Инквизиции уже там, что меня не бросят одного. Тем более погода хмурилась, по всем признакам собирался дождь. Ветер вцеплялся в живое, будто голодная псина, и рвал, рвал... Хотелось спрятаться от него хоть где-нибудь, сжаться в углу.

Поезд зарычал двигателем, дернулся и громадной, ярко сияющей змеей устремился вперед. Я проводил его взглядом и ускорил шаг.

В Петербурге я был впервые и оказался совсем не готов... Но вот я стремительно приближался к Московскому вокзалу, спешно проверяя удостоверение и прочие документы и одновременно пытаюсь не уронить раззявившую пасть сумку. Недавно пришла заявка, просили прислать кого-то опытного по обмену в новое, едва образованное отделение в Северную столицу России — второе воззвание, первое осталось неотвеченным. Над ними посмеивались. Но я, уже бывший кардинал Будапешта, решился окончательно, ухватился за это предложение с удивительной охо-

той: мне душно было, противно сидеть за бесконечными бумажками, прятаться в начальническом кабинете. Условия были туманны, мне предлагали поступить на службу сержантом, чтобы не смущать местных, работать в поле. Срок этой рокировки как-то подозрительно не оговаривался, но что-то заставило меня согласиться. Для себя я характеризовал это кратко: «Экстрима, блядь, захотелось». Хотелось служить закону, а не отчетам. А еще я знал, что в Петербурге что-то затевается и сюда стягивают силы.

Инквизиция до Исхода была подпольной, я еще помнил, каково увиливать от проверок и неудобных вопросов. Пару лет назад человек, утверждавший, что расследует преступления нечисти и против нечисти, оказался бы в дурдоме. Теперь нас если не уважали, то признавали, и полиция с радостью отдала часть полномочий тем, кто лучше понимает, как обойтись с вампиром или оборотнем. Формально людским правительствам Инквизиция не подчинялась, хотя соблюдать все местные законы мы были обязаны, зато организация сотрудничала с Адом. Слава Деннице, мы по-прежнему увиливали от политических игр людей, потому неожиданный перевод в Россию мне состряпали довольно быстро и оформили все документы через посредничество демонов.

Выругавшись сквозь зубы, я сбился с шага: задумался, почти засыпал на ходу. Едва не отпустил сумку; не хотелось бы собирать все разлетевшиеся бумаги при таком ветре. Мне ужасно не везло: с погодой, с дорогой, даже с подло развязавшимися шнурками кроссовок. Кардинал Святой Инквизиции был побежден обычными — даже не черномagическими — «найками», однако смеяться мне не хотелось.

Мимо протолкался какой-то уверенный мужичок, за ним протащила чемодан согнутая седая бабка. В здании вокзала было много людей и нечисти — настолько много, что я немного растерялся и запутался в направлениях, хлопал сонными глазами. Они громко переговаривались на разных языках, что почти разряженный амулет-переводчик — простой камушек на шнурке, который я повесил на шею, — не успевал все сканировать и переливать мне в голову. Да

я и не пытался за всем уследить, полностью утонув в море звуков. Отвратительная мельтешащая бездна.

Неоновые вывески неприятно били по глазам, а справа от меня шумно бранились две продавщицы с горячими и якобы съедобными пирожками. Меня чуть не сбил с ног какой-то особо спешивший парень. Я отодвинулся в сторону, полностью оглушенный и ошарашенный — не привык я к такому оживлению, «в люди» я выбирался редко. Да, привыкать к жизни вне кабинета придется. Не потеряться бы тут... Опасения уже начинали потихоньку захватывать мою голову, когда я внезапно услышал свое имя.

— Янош Кирай? — уточнила вдруг появившаяся возле меня хрупкая девушка. В руке у нее сиял амулет-переводчик, она жестом синхронизировала его с моим и бойко проговорила: — Это ведь вы? Здравствуйте!

— Д-да, это я! — Я с удивлением обнаружил, как сильно зубы стучат от холода, хотя я уже с пару минут был в помещении. — Доброе утро, — соврал, изображая приветливую улыбку.

— Вы ведь... человек? — тем временем неловко осведомилась девушка. — Простите, для нечисти отдельная система регистрации, во-он там, — она указала мне за спину, — рядом с металлоискателем нужно считать ауру...

— Человек, не маг. Уровень предрасположенности к магии самый низкий, — отчитался я. — Неужели я так жутко выгляжу после бессонной ночи, что похож на восставшего с того света?

— Еще раз извините! — воскликнула она, но я даже не подумал злиться. — Сначала встречать вас должны были другие инквизиторы, но в последний момент их отозвали на дежурство. Все так внезапно, я немного растерялась... Будьте добры документы, пожалуйста.

Я протянул ей бумаги, с неудовольствием отметив негнувшиеся пальцы. Некоторое время она тщательно изучала, ли стала, ни капли не обеспокоенная столпотворением вокруг.

— Очень нечасто встретишь у нас обычного человека, — призналась девушка. — Обычно идут в полицию, а нечисть оставляют разбираться с себе подобными...

— Я всегда хотел делать что-то хорошее. Для нечисти или для людей — не важно, — признался я, поражаясь, что могу так открыто рассказывать о себе первой встречной. — Так сложилось, что я пошел в Инквизицию.

— Ваш дядя ведь был кардиналом? — переспросила девушка. — Сандор Кирай, я вроде бы о нем слышала... Давно. О, понимаю. Надеюсь, нам с вами повезло.

Рассматривать ее я немного опасался, боясь сразу прослыть невежливым. Она была красива: невысокая, худая и черноволосая, с плавными чертами лица, но едва ли я сам бы к ней подошел познакомиться. Она куталась в черный плащ, тонкие запястья тонули в длинных рукавах; широкополая шляпа кидала тень на бледное лицо. Но я не мог бы назвать ее живой, цепляющей: губы плотно сомкнуты без намека на улыбку, словно она боялась обнажать зубы, а темные глаза казались бесчувственными. Почему-то в мыслях я ассоциировал ее с аккуратным, но хищным зверьком — какой-нибудь лаской.

Словно уловив мои мысли, она подняла взгляд. Попытавшись немного улыбнуться, чтобы как-то соответствовать жизнерадостному фото в удостоверении, я явно в этом не преуспел, отчасти из-за чувства, что меня испытывают эти глубокие темные глаза, прощупывают. Она полезла в карман за амулетом, помахала им перед моим лицом и довольно кивнула. Меня несколько запутали бесконечные предосторожности, смутили, но я не стал навязываться и расспрашивать. Обернувшись, девушка зычно позвала кого-то:

— Диман!

От неожиданности я поежился. Диманом же оказался среднего роста парнишка с таким жутким бардаком на голове, что даже я почувствовал себя адекватным человеком. Он кивнул девушке и косо глянул на меня. Я заторможено сообразил, что глаза у него какие-то странные, а потом понял, что радужка светится редким ярко-зеленым цветом, какой бывает только у природных ведьм.

— И этого упыря нам в сержанты выдали? — тихонько фыркнул Диман. У него не было амулета-переводчика, как у девушки, и он совсем не рассчитывал, что я его пойму.

— Я знаю русский, — заметил я, показывая окончательно вырубившийся амулет-переводчик, и тут же постарался выкрутиться: — Родственники из России были. Немного подзабыл за время, но адаптируюсь.

Ложь, наполовину состоящая из правды, легко легла. Удивленно поглядев, девушка убрала свой амулет в сумочку и больше не доставала.

Кто-нибудь другой смутился бы и попытался извиниться, а Диман только неопределенно хмыкнул, оценивающе глянул на меня. Я по-прежнему не мог сообразить, что у него — цветовая аномалия или качественные линзы.

— Извиняй, друг, ничего плохого не хотел сказать, но тебе надо бы отдохнуть. — Он ухмыльнулся, протягивая ладонь для рукопожатия. — Дмитрий Палатов, можно просто Диман. Капрал Инквизиции, ведьмак. И умоляю, никаких остроумных попыток пошутить.

— Да я понял. Меня... Янош зовут.

Никогда не видел ведьмаков — читал в книжках. Считалось, ведьмовство только по женской линии передается, а экспериментировать с формулировкой «седьмой сын седьмого сына» мало кто решался в наше-то время. Меня многие предупреждали, что в России кладезь удивительной нечисти, какую не встретишь более нигде, и отчасти любопытство потянуло меня сюда.

— Наша машина возле вокзала, — сказал ведьмак, взмахивая рукой в каком-то неопределенном направлении. — Сейчас немного отогреешься, а то в Питере станет на одну статую больше. Неужели не было прямого рейса из Будапешта?..

— Не было. Сначала до Москвы самолетом, потом поездом... Зато бесплатно, за счет предприятия, — порадовался я, стараясь воодушевиться хоть чем-нибудь.

Я уже совершенно не скрывал, что закоченел до смерти и не ощущаю ног в трижды клятых летних кроссовках. Двери закрывались и открывались, подчиняясь людскому потоку, и ветер спокойно гулял по вокзалу. Поэтому я не сразу